Миф 3: *РПЦ была создана Сталиным во время Второй Мировой войны как инструмент влияния, она никогда не рассматривалась, как чисто религиозная организация. Естественно, она* ***и*** *религиозной деятельностью* ***тоже*** *занимается.*

Это очень распространенное мнение, представленное более или менее радикальными версиями, одна из которых основывается на убеждении, что Православная Российская Церковь, восстановившая Патриаршество в 1917 г., была ликвидирована большевиками, а вместо нее, в качестве инструмента политического влияния и эксплуатации религиозного ресурса, Сталиным в 1943 г. была создана новая организация с похожим названием: Русская Православная Церковь.

Достаточно трезвого взгляда на историю РПЦ XX века (а сборников документов за последние 30 лет издано в изобилии), чтобы убедиться в том, что это не так, всё намного сложней и трагичней. Если большевики и способствовали формированию какой-то церковной структуры, то это относится лишь к обновленческому расколу. Хотя и в этом случае уместно говорить не об учреждении структуры, а о ее поддержке. И что важно для понимания церковно-государственных отношений всех времен, несмотря на то, что у приходов Московского Патриархата отнимали самые благолепные храмы и передавали их обновленцам; несмотря на то, что священнослужители и активные миряне канонической Церкви физически истреблялись, а обновленцы горя не знали; несмотря на то, что Константинопольский Патриарх Григорий VII поддержал обновленческий раскол, признав его органы управления, и издал в 1924 г. канонически ничтожное постановление об отстранении св. Патриарха Тихона от управления Церковью, но постепенно советская власть была вынуждена отказаться от поддержки обновленческого проекта, по очень простой причине: православный народ «голосовал ногами». Благолепные обновленческие соборы пустовали, а подчинявшиеся св. Патриарху Тихону были полны.

История РПЦ в XX веке переполнена мученическим и исповедническим подвигом, но нельзя закрывать глаза и на те факты, которые ее отнюдь не красят. Их не следует преувеличивать, на них неразумно фиксировать внимание, но и игнорировать их нельзя, если мы хотим иметь объективное представление о событиях и процессах в Московском Патриархате в советскую эпоху, в том числе и о допущенных ошибках, дабы самим их не повторять.

Безусловно, говорить об учреждении РПЦ Сталиным в 1943 г. нет никаких оснований. Легализация (не учреждение) РПЦ произошла в СССР намного раньше, еще в 1927 г., в результате компромисса с советской властью митр. Сергия (Страгородского), который на тот момент замещал Патриаршего Местоблюстителя священномученика митр. Петра (Полянского),

находившегося в заключении. Последний после кончины св. Патриарха Тихона в 1925 г., долгое время пытался добиться регистрации органов высшего церковного управления, но безуспешно. Переговоры упирались в отказ митр. Петра допустить вмешательство ГПУ в кадровую политику Церкви. В конце концов он был арестован, а митр. Сергий (Страгородский), будучи первым из троих назначенных митр. Петром заместителей, сосредоточил в своих руках власть, которая не подобала бы даже Патриарху.

Поначалу он был продолжателем политики своего предшественника, и закономерно в конце 1926 г. тоже был арестован. Спустя три месяца, в марте 1927 г. он был освобожден и незамедлительно получил разрешение проживать в Москве, а еще через два месяца получил справку административного отдела НКВД об официальном разрешении в Москве постоянной деятельности совещания, приглашенных им епископов, которое было зарегистрировано властями, как «Временный Патриарший Синод». После этого началась регистрация епархиальных управлений по всей стране.

Митр. Сергий, вне всяких сомнений, надеялся, что его действия послужат во благо Церкви, и если не прекратят, то хотя бы существенно ограничат масштаб церковных гонений. В русле этой церковно-политической линии он в июле того же года издал так называемую «Декларацию», в которой, среди прочего, было сказано: «Мы хотим быть православными и в то же время сознавать Советский Союз нашей гражданской родиной, радости и успехи которой – наши радости и успехи, а неудачи – наши неудачи». На фоне физического истребления духовенства и активных мирян, разорения и осквернения православных святынь властями «гражданской родины», «Декларация» справедливо воспринималась, как циничное издевательство и богоотступничество.

Этот разосланный по епархиям документ вызвал протесты в церковной среде. «Декларацию» массово возвращали. Среди епископата распространилось убеждение, что митр. Сергий решил подчинить деятельность Церкви органам ГПУ. Как пишет зав. кафедрой церковной истории СПбДА прот. Георгий Митрофанов, «этому убеждению способствовали те обстоятельства, что уже за первые несколько месяцев после своего освобождения митрополит Сергий не без внешнего вмешательства переместил около 40 епископов и ввёл во „Временный Патриарший Синод“ таких связанных с ГПУ архиереев, как митрополит Тверской Серафим (Александров)».

Мы не станем углубляться в подробности начавшегося в Церкви на этой почве разделения, отметим только, что «Декларация» митр. Сергия вместо того, чтобы, как он надеялся, утолить ярость богоборческой власти, наоборот, послужила этаким тестом на лояльность: сотрудники НКВД задавали епископу вопрос, как он относится к этому документу, и, если он отвечал, что отрицательно, его арестовывали.

Как пишет прот. Георгий Митрофанов, «надежды митрополита Сергия на то, что полученная ценой столь значительных с его стороны уступок легализация Московского Патриархата приведёт к ослаблению церковных гонений, оказались тщетными». Гонения развернулись вскоре с новой силой. Только в период 1929–1934 гг. были ликвидированы все монастыри и репрессировано 40000 представителей духовенства и монашества, из которых расстреляно было ок. 5000. К 1939 г. в СССР на свободе оставалось только 4 архиерея.

С началом войны, Сталин понял, что на одну коммунистическую идеологию и ее пропагандистов он рассчитывать не может, а РПЦ – это ценный ресурс для поднятия патриотического духа. Нет, гонения не прекратились. Священников продолжали сажать и расстреливать, но в меньших масштабах, а в антицерковную политику были внесены некоторые коррективы. Газета «Безбожник» (с полумиллионным тиражом) и одноименный журнал последний раз вышли 20.07.1941 г.

Что же на самом деле произошло в 1943 г.? Разумеется, не учреждение РПЦ. Она к тому времени уже давно была институционально оформлена, и ее система управления успела адаптироваться к существованию в тоталитарном богоборческом государстве. Произошло то, что 04.09.1943 г. состоялась встреча И. Сталина, в присутствии его заместителя в Совнаркоме В. Молотова и будущего «попечителя» РПЦ полковника НКГБ Г. Карпова, с тремя митрополитами РПЦ – Сергием (Страгородским), Алексием (Симанским) и Николаем (Ярушевичем) – во время которой он, можно сказать, официально провозгласил новую антицерковную политику, характеризующейся отныне сменой курса с ликвидации Православной Церкви на ее ограниченную поддержку в интересах государственной внутренней и внешней политики. Во время этой встречи именно Сталин предложил открыть духовные семинарии и академии, свечные заводы, типографию, начать издавать церковный журнал и т.п., и, главное, разрешил созвать Архиерейский Собор для избрания Патриарха и Священного Синода. Т.е. ничего он не учреждал, а ослабил прежние ограничения. Единственно, что было после этой встречи учреждено – это Совет по делам Русской Православной Церкви при Совнаркоме СССР.

Но не доказывает ли вышеизложенное, что РПЦ – это все же, если и не учрежденная Сталиным организация, то превращенная в *инструмент влияния*, которая религиозной деятельностью занимается «тоже», как бы для отвода глаз? Из чего логично следует, что права и свободы, предусмотренные для религиозных объединений, не распространяются на ее структуры, в том числе и автономные как, например, ЭПХЦ.

Нет, не доказывает и не следует.

Как правило, любое государство во все времена, после легализации христианства в IV веке, пыталось использовать Церковь в своих интересах. Для нас наиболее ярким примером является антиканоничная синодальная система, действовавшая в Российской империи с 1721 г. по 1917 г., когда руководство Православной Кафолической Греко-Российской Церкви было встроено в государственный аппарат и напрямую подчинялось императору.

Но, когда говорят, что реформой Петра Русская Церковь была *превращена* в «ведомство православного исповедания», то допускают серьезную ошибку. На этот уровень была низведена не Церковь, как таковая, а ее руководство (в строгом смысле, «ведомством православного исповедания» являлось даже не руководство Русской Церкви, т.е. не Святейший Правительствующий Синод, а система обер-прокуратуры, надзирающая от имени императора за работой Синода). Церковь была ограничена в свободе – в том числе и своей внутренней жизни, но ее природа не была радикально искажена или разрушена. Синодальная реформа породила нарушения в ее каноническом управлении, повлияла на церковное самосознание, но все же не стала альфой и омегой для церковной полноты.

Аналогично и в советскую эпоху, радикально секулярное государство контролировало внутрицерковные процессы, иногда направляло их, вмешивалось в кадровую политику, ограничивало церковную жизнь церковными стенами и «отправлением культа», местами запрещая даже проповедь внутри храмов, не говоря уже о закрытии храмов, их осквернении и разрушении, но оно не могло подчинить себе духовную жизнь всех и каждого. И даже те, кто давали письменное «согласие добровольно оказывать помощь органам КГБ в их защите безопасности Родины», нередко использовали свои связи, чтобы, по возможности, отстаивать интересы Церкви, вступаясь за духовенство, спасая от закрытия храмы и монастыри. Московский Патриархат никогда не превращался в придаток государства, сколько бы спецслужбы его ни нашпиговывали своими агентами. Как заметил прот. Георгий Митрофанов, «Церковь не синонимична своим органам управления».

Паразитирование сильных мира сего на Церкви, и ответное лицемерное перевирание христианских ценностей некоторыми церковными спикерами закономерно вводит многих людей в соблазн.

Если Сталин и его окружение, корректируя (не отменяя) политический антирелигиозный курс, рассматривали РПЦ как инструмент влияния, который попутно еще и религиозной деятельностью «тоже» занимается, это не значит, что она таковой была и является по сей день. Выстраивать свое отношение к РПЦ в целом и ко всем без разбора ее каноническим структурам, руководствуясь установками НКВД-МГБ-КГБ – это не что иное, как продолжение дела Ленина-Сталина под прикрытием борьбы с ним. Не в этом ли реальная угроза безопасности нашему государству?..